

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

* * *

Василию Рысенкову

Нынче вокруг колокольной полно стрижей.
Птичья забота — знай себе режь да шей.
Острым крылом возле моей щеки
Чиркни, как лезвием, тенью коснись руки.
Режь, перекраивай время, пространство, жизнь,
Резко ныряя, закладывая виражи,
Криком сшивая невидимые края,
Где из воздушной раны забьет струя
Чистого света.
Что же, душа, учись.
Не сожалей, не бойся — пронзая высь,
Воздуха легче, стремительнее, чем стриж,
Над колокольной когда-нибудь ты взлетишь,
Чьей-то щеки почти коснувшись крылом,
Не вспоминая — в вечности — о былом.

* * *

Мне приснилось, что я никому ничего не должна.
Никому — ничего, кроме разве что — Господа Бога.
Осушила — до дна, по счетам расплатилась — сполна,
Сполоснула стакан и могу собираться в дорогу.

Тишина до краев наполняла колодец двора,
Заливала сквозь окна квартир обветшалые гнезда,
Растекалась по крышам. И зеленоватые звезды
Безмятежно дышали. И я понимала — пора.

И, без горечи вспомнив друзей, позабывших меня,
Или попросту — канувших, сгинувших в вечности сонной,
Я седлала коня. Я спокойно седлала коня,
Чтоб скакать на восход — бесконвойно и неподзаконно.

Екатерина Владимировна Полянская родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила СПбГМУ им И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Член Союза писателей России с 2002 года. Печаталась в журналах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Северная аврора», «Аврора», «Всерусский собор», «Южная звезда», «Немига литературная», «Сибирские огни», «Сетевая словесность», «Зинзивер» (интернет-журнал), «Дружба народов», «Москва», «Неман», «Урал», «Изящная словесность» и других. Автор шести стихотворных сборников. Стихи переводилась на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

У меня три шага от стены к стене,
Ручка, и бумага, и луна в окне.
Тонкий лучик света темнотою сжат,
А за стенкой где-то мышки шебаршат.

Мышки голодают каждую весну —
Корочку глодают, ходят на войну.
Может быть, обои прогрызут до дыр,
Может, где-то с бою раздобудут сыр.

Ветер задувает в черную дыру,
Мышки затевают тихую игру:
То ли что-то тащат, тащат и грызут,
То ли настоящий учиняют суд.

Может, загуляют, вольностью горя,
Может, расстреляют белого царя.
А потом заплачут, каяться начнут,
С пряника на сдачу получивши кнут.

Высохшие крошки, перекиший страх.
Злые-злые кошки сторожат в углах.
За окошком лужа с огоньком на дне...
Мышкам явно хуже, чем, к примеру, — мне.

У меня три шага и затяжки — три,
Ручка, и бумага, и стихи — внутри,
На башкою — крыша, и на кухне — газ...
Господи, услыши и помилуй нас!

* * *

В горьких снах приходят ко мне
Те, убитые на войне,
Кто и вовсе не воевал,
Чья могила — пустырь, подвал,
Где настиг их шальной снаряд...
Вот стоят они и молчат.
Оглушает безмолвный хор...
Мне не выдержать их укор.

И — мурашками по спине:
— Почему вы — ко мне? Ко мне?

Ваша смерть — не моя вина.
Это просто — война, война.
Это просто — беда, беда...
Так зачем вы пришли сюда?
Вы ошиблись... —
и мне в ответ
Шелестит, словно выдох: «...нет».

Что хотите вы от меня?
Где найду я для вас огня,
Если жизнь моя — в суете,
И слова мои все — не те,
Если я — в потемках сама,
Если проще — сойти с ума?
Отступитесь, как сон, как бред! —

И в ответ, словно эхо:
«...нет!»

ВОСПОМИНАНИЕ О МАРИЕНБУРГЕ

Мне уже никогда не вернуться туда,
Где в глубоких прудах остывает вода,
Словно времени темный и терпкий настой,
Горьковато-полынный, недвижно-густой,

Где в закатных окошках мутнеет слюда,
Где, качаясь на лапах еловых, звезда
Подлетает все выше, и месяц над ней
С каждым взмахом все тоньше и словно ясней.

И в траве разогретой, глубокой, как сон,
Мне уже не услышать сквозь стрекот и звон,
Сквозь плывущий под веками медленный зной,
Как шуршат облака — высоко надо мной.

Никогда — это веточки сломанной хруст,
На иных берегах расцветающий куст,
Это голос, летящий сквозь мертвую тишь,
Долгим эхом становится. И только лишь,

Задержавшись над лугом, дыханье мое
Все колышет былинки сухой острие,
Да еще отраженья на глади пруда
Смотрят в синюю бездну чужих «никогда».

* * *

К этой квартире, где прожито столько лет,
Так что можно вполне сойти за домового,
Где с чужой памятью собственный смешан бред,
Я подхожу и войти не решаюсь снова.

Там не укроешься: жизнь состоит из прорех
И по краям — густых отпечатков пальцев...
Лучше не думать, помнят ли вещи всех
Бывших хозяев, а точнее — постояльцев.

Тех, кто на пианино этом играл,
Мыл, убирал, тонко раскатывал тесто,
Думал, страдал, болел, потом — умирал,
Освобождая другим квартирантам место.

Что меня ждет за дверью? Каким еще
Дышащим зеркалам во мне предстоит разбиться?
Кто и за что сегодня предъявит счет
И предложит с процентами расплатиться?

Прежде, чем тяжестью лягут в ладонь ключи,
Сердце наполнив мерцающею тревогой,
Прежде, чем этому сердцу сказать: «Молчи!»,
Надо еще постоять, подождать немного.

Надо собраться с силами, перекурить,
Сжаться до точки, внутри себя бесконечной,
Чтобы потом решительно дверь открыть
И спокойно шагнуть темноте навстречу.